

The background of the cover is a vibrant, painterly landscape. In the foreground, a large, open book lies on a grassy field, its pages a mix of green and blue. A red leaf rests on one of the pages. A small, yellow, leaf-shaped notepad with a pen is tucked into the book's spine. In the middle ground, there are rolling green hills and a large, dense bush of red flowers. The sky is filled with soft, white and grey clouds. The overall style is that of a classic oil painting.

от автора бестселлера
«ПУТЬ ХУДОЖНИКА»

Джулия Кэмерон

право писать

ваша творческая мастерская

Ваша творческая мастерская

Джулия Кэмерон

**Право писать. Приглашение и
приобщение к писательской жизни**

Издательство "Livebook/Гаятри"

1998

Кэмерон Д.

Право писать. Приглашение и приобщение к писательской жизни /
Д. Кэмерон — Издательство "Livebook/Гаятри" , 1998 — (Ваша
творческая мастерская)

ISBN 978-5-904584-96-2

Пишете вы по любви или за деньги, чтобы сбежать от действительности, заземлиться, настроиться, отстраниться – это занятие может и должно приносить чистое наслаждение. Неважно, хотите ли вы написать главный роман этого века или ведете личный дневник о событиях дня, эта книга вложит перо вам в руку. Для всех пишущих книга Кэмерон станет незаменимым советчиком и, вместо правил орфографии и пунктуации, расскажет про то, как найти в себе слова, завоевать их доверие и выразить на бумаге любые образы, события и чувства. Как и в предыдущих книгах, Кэмерон предлагает множество увлекательных упражнений и рекомендаций, опробованных ею на практике.

ISBN 978-5-904584-96-2

© Кэмерон Д., 1998
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 1998

Содержание

Благодарности	7
Вступление	8
Глава 1	10
Способ приобщения	13
Глава 2	14
Способ приобщения	16
Глава 3	17
Способ приобщения	18
Глава 4	19
Способ приобщения	22
Глава 5	23
Способ приобщения	25
Глава 6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Джулия Кэмерон

Право писать. Приглашение и приобщение к писательской жизни

Моей пищицей матери, Дороти Шей Кэмерон

© Julia Cameron, 1998

© Д. Сиромаха, перевод на русский язык, 2014

© Livebook Publishing Ltd, 2014

* * *

Джулия КЭМЕРОН – творец с тридцатипятилетним стажем. Известность в России Кэмерон принесла книга «Путь художника», признанная лучшим учебником по раскрытию творческих способностей в любом человеке.

*Для тех, кто ищет вдохновение, эта книга – умелый лоцман на борту
корабля.
Publishers Weekly*

Благодарности

Люди, перед которыми я в долгу:

Марк Брайен, семья Кэмеронов, Соня Чокетт, Мишель Эсрик, Ронда Флемминг, Роланд Флинт, Джоэль Фотинос, Натали Голдберг, сестра Джулия Клэр Грин (из ордена Милосердных Сестер Пресвятой Девы Марии), Эрин Гринберг, Дэвид Грофф, Джерард Хэкетт, Артур Кретчер, Лора Лэдди, Эмма Лайвли, Лэрри Лонерген, Эллен Лонго, Мишель Лоуренс, Джулианна Маккарти, Уильям Макферсон, Джеймс Навэ, Джон Ньюленд, Джон Николз, Уилл Никс, Дэвид Солтз, Сьюзен Шалмен, Доменика Кэмерон Скорсезе, Макс Шоволтер, Роджер Слейки, Марта Хэмилтон Снайдер, Джоанна Тани, Джереми Тарчер, Мартин Торгоф, Эдмунд Тауль, Дори Винелла, Тим Уитер, Ора Райт.

Вступление

В декабре 1967 года, под мрачным взором горгульи в нише под потолком университетской библиотеки Джорджтауна я на ткнулась на строку поэта Теодора Ретке¹. Он писал: «И лишь пустившись в путь, возможно, я пойму, куда же, наконец, идти мне надо»². Эта фраза точно описывает мою писательскую жизнь.

Я начала писать очень рано и с годами пишу все больше и чаще, осваивая все новые жанры. Мне доводилось заниматься художественной литературой и публицистикой, сценариями, пьесами, поэзией, очерками, критикой, статьями для журналов и газет и даже мюзиклами. Я писала по любви, за деньги, чтобы сбежать от действительности, чтобы заземлиться, настроиться, отстраниться – и вообще ради всего, ради чего только можно писать.

За более чем тридцать лет писательство стало моим неизменным спутником, моим любовником, другом, работой, страстью и всем, что я делаю с собой и с миром, в котором живу. Писательство – мой способ, а иногда и причина жить.

Моя история проста: я просто пишу. В «Праве писать» я попыталась делиться только тем, что знаю, своими наработками, своим путем. Это значит, что в книге не будет того, что мне не довелось испытать на себе, как и того, что подробно изложено в других изданиях для писателей.

Эта книга не научит вас писать сопроводительные письма в издательства, искать рынок для своих рукописей или нанимать литературных агентов. Здесь не будет правил орфографии и пунктуации. Михаил Чехов советовал актерам прежде всего работать над собой. Этот совет подходит и писателям.

Писательскую жизнь, нашу жизнь как «писателей», невозможно отделить от жизни в целом. Именно поэтому многие эссе, и в особенности методики «для писателей» в этой книге, на первый взгляд, не имеют отношения к писательству, однако все-таки имеют – да еще какое! Воспринимайте каждую главу как приглашение исследовать определенную тему. И каждую технику – как практическое посвящение в нее же.

Если у меня все получилось, эта книга научит вас писать просто ради того, чтобы писать, ради чистого наслаждения запечатлевать слова на бумаге. Иначе говоря, эта книга не столько о том, *как* писать, а о том, *зачем*.

Так зачем же?

Писать следует потому, что такова природа человека. Так мы заявляем свое право на личную вселенную. Писать следует потому, что люди – духовные существа, а писательство – мощная разновидность молитвы и медитации, помогающая глубже понять самих себя, а также установить связь с более высоким и глубоким источником внутренней мудрости.

Следует писать, потому что это прибавляет ясности и страсти проживаемой жизни. Это чувственный, практический, заземляющий опыт. Писать следует потому, что это полезно душе. Писательство накапливает наше наследие, пролагает осязаемый путь в этом мире.

Но прежде всего писать следует потому, что мы – писатели, независимо от того, считаем ли мы себя ими или нет. Право писать – наше неотъемлемое право, духовное приданое, что дает ключи от королевства. Высшие силы говорят с нами, когда мы пишем. Зовите их вдохновением, музами, ангелами, Богом, интуицией, наставлением или просто хорошей байкой – как

¹ Теодор Хюбнер Ретке (1908–1963) – американский поэт и наставник в писательском мастерстве и стихосложении. Все имена собственные приводятся в соответствии с современными произносительными нормами. – *Здесь и далее примечания редактора, кроме случаев, оговоренных отдельно.*

² Пер. Е. Левиной. – *Примечание переводчика.*

ни поименуй, они объединяют нас с чем-то бóльшим, чем мы сами, прибавляют сил и оптимизма.

Надеюсь, эта книга поможет развеять некоторые мифы отрицания, связанные в современной культуре с жизнью пишущего человека. Я считаю такую жизнь утверждающей себя, вдохновляющей, духовно наполненной – и вполне осуществимой. Стало быть, эта книга – своего рода практикум, в котором мы рассмотрим общие для всех препятствия и простые способы справиться с ними, общие трудности и способы их преодолеть, камни преткновения и обходные пути. По моему опыту, жизнь пишущего человека проста, она помогает поверить в себя и в собственные силы.

Эта книга – болельщик для тех, кто примеривается к писательству, спутник тем, кто уже пишет, и благодарность моим собственным текстам за ту жизнь, которую они мне подарили. Надеюсь, эта книга поможет исцелить сломленных писателей, воодушевить робких и соблазнить тех, кто замер у кромки воды, но все-таки желает войти в реку.

Есть у меня греза. Жемчужные ворота. Святой Петр извлекает анкету и задает мне Главный Вопрос:

– За какие заслуги тебя впустить?

– Я убеждала людей писать, – отвечаю я.

И врата распахиваются предо мной.

Глава 1

Начните

Я сижу за небольшим сосновым столом лицом на восток, где виднеются холмы Сангре де Кристо. Еще мне видно поилку для лошадей, куда налить бы воды, белый забор с голубыми, как яйца дрозда, воротами, терракотовую птичью купальню с отбитыми декоративными фигурками, заросший огород, поваленное набок ведро и моего маленького пса Максвелла, что нежится в лучах раннего весеннего солнца, словно оптимистичный пляжник в прохладный день. Когда на дворе потеплеет и желтый шланг оттает, налью воды лошадям. Когда согреюсь я – расскажу вам, что знаю о том, как позволить себе писать.

Первая уловка – и сию секунду я ее и применяю – это просто начать прямо с того места, где вы сейчас. Настроение писать – роскошь. Это благословение, но не необходимость. Писать – как дышать: можно совершенствоваться, но вся штука в том, чтобы заниматься этим несмотря ни на что.

Писать – как дышать. Я верю в это. Я верю, что все мы приходим в эту жизнь писателями. У всех нас есть врожденная способность к языку, и мы пользуемся ею уже через несколько месяцев после рождения, когда начинаем именовать свой мир. Мы все переживаем чувство обладания и удовлетворенности, называя увиденные предметы. Слова дают нам силы.

Еще малышами мы сначала учимся хватать предметы, а потом «схватываем» и слова. Каждое выученное слово – приобретение, маленький самородок, которым мы богатеем. Хватаемся за новое слово и повторяем его не раз и не два, играем с ним, будто с золотым слитком в лучах света. Еще детьми мы копим слова – с жадностью и восхищением. Слова – наша собственность: называя мир, мы присваиваем его.

Детями мы запоминаем новые слова с невероятной скоростью. Они делают нас влиятельнее: «Я с мамой!» или «Мама, стой!» Дети прямолинейны и недвусмысленны. Они не церемонятся. Их слова искренни и вески. В них слышны решимость и упорство. Пыл и целеустремленность. Дети доверяют силе слов.

Если слова дают нам силу, когда мы начинаем ее терять? Когда мы впервые предполагаем, что кое-кто «умеет обращаться с языком» и может позволить себе пробу пера, а остальные лишь применяют речь в быту, но не осмеливаются причислить себя к «писателям»?

Мне кажется, для многих эта сортировка происходит в школе. Именно там нам говорят: «У тебя склонность к языкам...» То самое примечание, написанное по диагонали ровным учительским почерком в верхнем углу реферата по географии Скандинавии: «Хорошо написано».

Хорошо написано – что это значит? В школе это обычно означает стройное, ясное мышление. Приличная грамматика. Обилие упорядоченных фактов. Может означать и то, чему нас учат – «тематическим предложениям» и «переходам». Часто это не о словах, что льются, как песня, не о новаторских словосочетаниях, не об абзацах прекрасных свободных ассоциаций и авторских отступлений – юный писатель или поэт хотел и мог бы применить подобные таланты, но что за прок от них в прилежании и строгости научной работы?

Что происходит, когда подобные приемы используются в школьных работах? Слишком часто на полях снова появляется пометка учителя, на сей раз – осуждающая: «Уходишь от темы» или «Пиши по существу». Редкий учитель способен найти время и желание похвалить тексты, не соответствующие образовательным требованиям. Нам будто приходится сидеть на учебной диете: «Не перебарщиваем с перцем».

Поменьше перца. Поменьше пыла. И, уж пожалуйста, поменьше человеческого. Чтобы соответствовать общеобразовательным нормам, нам приходится довольствоваться пешеходным текстом без характера и страсти, и даже слегка высокопарным тоном, словно писать допу-

стимо только из самых возвышенных побуждений, и на бумагу просачивается лишь выжимка здравого смысла.

Есть места и обстоятельства, в которых писательство запрещено, и тогда оно выходит на первый план. В тюрьмах послания царапают на стенах и на земле. На необитаемых островах их закупоривают в бутылки и бросают в море. Когда обмен информацией становится невозможным, человеческая воля к общению берет верх, и люди ради него рискуют здоровьем и жизнью.

Это естественно.

В современной культуре происходит нечто гораздо менее естественное. Писательство не запрещают – его не поощряют. За нас это делает «Холлмарк»³. Мы покупаем открытки, наиболее близкие по смыслу к тому, что хотели бы сказать сами. В школах нас муштруют выражать свои мысли, уделяя основное внимание орфографии, тематическим предложениям и последовательному изложению, и логика принимает на себя командование, а чувства посажены на короткую сворку. Написание текста превращается в античеловечную деятельность. Мы без конца редактируем, удаляя подробности, которые могут оказаться неуместными. И привыкаем к сомнениям и самокритике там, где должно быть самовыражение.

В итоге мы стараемся писать чересчур осмотрительно. Слишком «правильно». Стараемся выглядеть умно. Стараемся, точка. Писать гораздо проще, если не прикладывать столько усилий. Если разрешить себе прохладиться на странице. Для меня писательство уютно, как ладная пижама. В современной культуре этот процесс скорее напоминает военное обмундирование. Мы строим предложения – в шеренги, как послушных детей в частной школе.

Сожгите школу дотла. Оставьте, пожалуй, книги, но уговорите учителя поведать вам подлинные тайны – что он пишет и читает тайком, ради предосудительного удовольствия? Предосудительное удовольствие и есть суть писательства. Она – в притягательности слов, перед которыми вы не в силах устоять, описывая что-нибудь интересное. И забудьте о возвышенных побуждениях.

Я не пишу из возвышенных побуждений – и никогда этого не делала. В шестом классе я написала свою первую серию (очень) коротких рассказов с одной-единственной целью – привлечь внимание Питера Мунди, новичка в нашей школе Святого Иосифа, из класса миссис Клопш. Он переехал на север из штата Миссури. У него был южный акцент и каштановые, как банка гречишного меда, волосы. Голос у него был налит той же сладостью, что и внешность. Мне хотелось к нему в подруги. Мне хотелось, чтобы он меня заметил. И я собралась охмурить его написанием рассказов.

Двадцать лет спустя, уже после того, как он пригласил на свидание не меня, а Пегги Конрой, Питер признался, что мои рассказы тогда пленили его сердце: «Просто я струсил».

Может, Питер и струсил, но, преследуя его с бумагой и ручкой, я обрела нечто большее – я ощутила пьянящий вкус погони за словами.

Писать – все равно что ехать по асфальтированной сельской дороге в жаркий летний день. На горизонте подрагивает мерцающее волшебное пятно. Ты стремишься к нему. Набираешь скорость, чтобы добраться до него поскорее, но стоит приблизиться – оно исчезает. Подняв взгляд, снова видишь его вдали. Наверное, кто-то счел бы это неразделенной любовью или неудовлетворенностью. Но мне кажется, писать – штука получше.

Я считаю это предвкушением. Упоением. Как ощутить вкус отличной трапезы, лишь почуяв ее аромат. Чтобы любить свежеспеченный хлеб, не обязательно его есть. Его запах почти столь же прекрасен и приносит не меньшее удовлетворение, чем толстый ломоть с маслом и домашним абрикосовым вареньем.

Мозг человека обожает писать. Ему нравится давать явлениям названия, находить ассоциации и отличия. Подбирать слова – как выбирать яблоки: вот это, похоже, вкуснейшее.

³ «Холлмарк Кардз» (с 1910 г.) – крупнейший американский производитель поздравительных открыток.

* * *

Писать, выискивая подходящие сочетания, – чистый трепет и восторг, как натягивание тетивы. И попасть «в яблочко» – сформулировать предложение, точно описывающее то самое мерцающее пятно над дорогой, стоит сил, вложенных в погоню, однако и сама погоня, и увиденное боковым зрением на пути – тоже кое-чего стоят. Мне нравится писать хорошо, однако еще больше мне нравится просто писать – и точка.

Когда я бралась за эту главу, небо было голубым и безоблачным. Сейчас, когда я ее заканчиваю, погода переменилась. Плотные темные тучи плюются капризным дождем. Ветер налетает жесткими порывами, благоухающими весной. Теперь не придется наполнять лошадям поилку. Дождь прекрасно справляется сам. Малыш Максвелл вернулся в дом и свернулся калачиком у моих ног. Этот день, как и эта глава, начался одним, а заканчивается совсем другим.

Кабир пишет: «Думал я, что правда – на краю земли, а она повсюду, где бы мы ни шли»⁴, – и к писательству это тоже относится. Где бы ни был, ты всегда там, где должен быть. Вовсе не обязательно сначала что-то в себе исправлять, перешнуровывать душу и начинать на высоте. Начинайте там, где вы есть.

Предоставленное себе, писательство – как погода. В нем есть и острота, и форма, и сила, создающие образ дня. Как проливной дождь очищает воздух, так и годный писательский день очищает душу. Просто позволить себе писать – это как-то очень правильно. И чтобы сделать это, нужно лишь начать – прямо оттуда, где вы сейчас.

⁴ Пер. С. Липкина. – *Прим. перев.*

Способ приобщения

Этот метод столкнет вас на воду. Возьмите три листа бумаги формата А4 в широкую школьную линейку. Начните сверху первой страницы и напишите три страницы о том, что чувствуете и о чем думаете прямо сейчас. Принимайтесь за дело – с того, что происходит с вами физически, эмоционально и психологически. Пишите о чем угодно – обо всем, что приходит в голову.

Это упражнение в свободной форме. Его невозможно сделать неправильно. Будьте мелочным, критичным, плаксивым, испуганным. Будьте восторженным, безрассудным, обеспокоенным, счастливым. Будьте таким и тем, какой и кто вы в сей миг. Поймайте струю. Ощутите поток своих мыслей и порывов. Продолжайте водить рукой по бумаге и оттягивайтесь напропалую. Дописав три страницы, остановитесь.

Глава 2

Дайте себе писать

Наши представления о писательской жизни обильно обложены чепухой. Нам отчего-то кажется, что выражать мысли на бумаге – целое дело, не то что попросту распылять их в воздух. Бытуют мифы, будто писать – мучительное занятие. Мы им верим и даже не беремся, а если все-таки пытаемся, и оказывается, что это легко и просто, мы останавливаемся, замираем и убеждаем себя, что у того, чем мы занимаемся, с «настоящим» писательством нет ничего общего.

Под настоящим писательством мы подразумеваем ту самую разновидность, что овеяна мифами. Которая не предполагает такого вечера, какой сегодня сложился у меня: мы поужинали с подружкой Дори, потом посмотрели «Почтальона»⁵, я проводила ее, когда было еще совсем не поздно, и направилась в кабинет, чтобы немного пописать, а щенок Максвелл пусть лежит уютным клубком у ног.

В такой жизни писателя есть нечто слишком повседневное, непринужденное, слишком обыденное. Мы живем почти так же, как и все остальные, только перемежаем наше житье писательством. Ну да, если писатели живут именно так, многим из нас это по плечу. Если в страданиях нет необходимости, и для того, чтобы писать, вовсе не нужно замыкаться в себе...

А что, если писателей вообще не существовало бы? Если бы все просто писали? Если не нужно было бы стремиться стать «настоящим писателем»? Если бы писательство было само-достаточным?

Если бы не нужно было беспокоиться об издании и критике, сколь многие могли бы сочинить роман просто потому, что это в радость? Почему нам кажется, что на роман замахиваться нельзя – как начинающему плотнику браться за простой книжный шкаф или садовый стол. А если бы не требовалось писать хорошо? Если писать можно было бы просто для удовольствия?

А если относиться к писательству как к сплаву по бурной реке? Как к чему-то, что можно попробовать, просто ради щенячьего восторга пройти стремнину творческого процесса. Если позволить себе быть любителем – от слова *любить*? Если прекратить убеждать себя в необходимости добиваться признания, очень многим понравилось бы писать. Хотя в привычных нам мифах редко об этом говорится, писать – потеха.

Когда люди берутся писать, обычно это делается не для того, чтобы писать, а чтобы «стать писателем». Подлинное значение этой фразы окутано тайнами, мистикой и откровенной чепухой.

А суть вот в чем: для того, чтобы стать писателем, достаточно просто писать, но об этом почему-то забывают. Наоборот – мы придумываем, что «настоящих писателей издают» или «настоящие писатели зарабатывают писательством на жизнь». В некотором смысле мы утверждаем, что «настоящие писатели получают подтверждение от других в том, что они писатели. В их паспорте стоит писательский штамп. Изданы в _____. Про них пишут в _____».

С эдакой мифологией, да с озабоченностью результатом, а не процессом, разве удивительно, что начинающего писателя сковывает беспокойством? Даже острые на язык сомневаются в остроте своего пера. Чистая страница кажется им незаполненным чеком, куда предполагается вписать сумму, на порядок превышающую, как им кажется, их талант.

«Мне бы хотелось быть писателем. Просто не дано», – говорили мне люди, чей языковой дар приметен, как неоновая вывеска.

⁵ «Il postino» (1994) – фильм реж. Майкла Рэдфорда по роману Антонио Скарметы.

«Говорить я умею, а вот писать, хоть убей, нет», – это я тоже слышу довольно часто. С чего мы взяли, что запечатлевать буквы на бумаге так опасно и трудно?

Нередко случается вот что: при попытке перейти на бумагу привычную текучесть устной речи вдруг сменяет оцепенение. Каждое слово становится обязательством, предметом дотошной самокритики и самокопаний. При виде чистого листа нам кажется, что все серьезно. Привычно звучащие слова вдруг смотрятся подозрительно. Забыв, что такое «черновик», мы хотим производить на свет одни лишь ограненные самоцветы. Здесь нет места ошибкам, просторечиям, очаровательным иносказаниям. Тут же включается образование и всё те же требования к хорошему сочинению: тематические предложения, порядок...

Большинство думает, что не умеет писать. Нам кажется, что этим занимается кто-то другой – «писатели». И даже если у вас все же обнаруживается прилежность новичка и страсть любителя, этот титул вы все равно бережете для «настоящих писателей». Таких, которые умеют «построить» предложения, будто роту солдат, и заставить их маршировать логичными абзацами, как войска при высадке в Нормандии – блистательными волнами, одна за другой.

Нет в этом никакой необходимости.

Если убрать слово «писатель» и вернуться к тому, чтобы просто прислушиваться и записывать, что слышим, любые правила исчезают. У того, за чем мы наблюдаем, к чему прислушиваемся, чтобы передать на бумаге, есть природный образ, форма, перетекающая в форму. И если слушать внимательно, нам откроются его особые правила. Образ не нужно навязывать. Образ – часть того, что мы слышим. Если просто дать себе писать, все получится «как надо».

Способ приобщения

Этот метод расчищает баррикады между вами и чистой страницей. Выделите полчаса. Отправьтесь в кафе с писчей бумагой. Закажите себе чашку кофе, чая, стакан газировки или минералки. Выполните следующее задание.

Шаг первый:

Каковы ваши скрытые ассоциации со словом «писатель»? Заполните следующие поля как можно быстрее:

Писатели _____
Писатели _____
Писатели _____
Писатели _____
Писатели _____
Писатели _____
Писатели _____
Писатели _____
Писатели _____
Писатели _____

Шаг второй:

Превратите отрицательные ассоциации в положительные утверждения. Например, «писатели всегда на мели» превращается в «писатели платежеспособны». «Писатели безумны» в «писатели мыслят здраво». «Писатели – одиночки» в «у писателей хорошие друзья». Всю последующую неделю выписывайте положительные утверждения по пять раз в день.

Глава 3

Дайте себе слушать

Самое простое и умное из всего, что мне довелось узнать о писательстве, – важность умения ориентироваться в пространстве. Писать – значит выкладывать что-то вовне, а не закуриваться внутри. Когда пытаюсь «выдумать что-то из головы», приходится до чего-то дотягиваться, достигать. Писательство делается столь возвышенным, что его и не ухватить. Когда пытаюсь что-то вы думать, я силюсь. А когда, напротив, сосредоточиваюсь на том, чтобы просто записывать, ощущаю внимательность, а не напряжение.

Иными словами, это искусство писать под диктовку, а не диктовать самому. Вникая, я просто записываю все, что слышу, моя задача – не породить поток идей, а лишь записывать его. Когда же писать бывает трудно – это потому, что я пытаюсь говорить на бумаге, а не слушать.

Когда же мы начинаем писать, слушая, а не разговаривая, рождаются тексты, в которых гораздо меньше эго. Вместо того чтобы сомневаться в себе и в написанных *мною* строках, я изумляюсь и восхищаюсь строкам, которые попросились на бумагу сами. И писать – уже не проповедовать, а откровенничать. Это верно для писателей, позволяющих тексту проходить сквозь себя. Мы, писатели, как и любой читатель, предвкушаем, что же будет дальше.

Когда писательство сводится к важности того, о чем мы желаем поведать миру, в текст проникают сомнения, «врубится» ли читатель – ну то есть увидит ли, насколько мы гениальны. Если же просто записывать мысли по мере их появления, беспокоиться приходится скорее о точности, чем о гениальности. Насколько внимательно мы готовы слушать? Какую долю власти готовы уступить, чтобы позволить творчеству двигаться сквозь нас, вместо того, чтобы подхлестывать его к нашим собственным целям?

Мы можем «измыслить» сюжет, а можем «записать его». Можем думать, «о чем бы написать» – а можем писать то, о чем, так уж вышло, сейчас думаем. Можем требовать от себя писать хорошо, а можем смириться с тем, чтобы писать, как пишется – хорошо, плохо или вообще как попало.

Многие согласны только на то, чтобы писать хорошо, вот почему им так тяжело писать вообще. Мы требуем от себя слишком многого: выразить кому-то свои мысли и при этом еще и произвести впечатление. Не удивительно ли, что наша проза прогибается под тяжестью этих двух задач?

Из всех высказывавшихся о ремесле писателей Генри Миллер показался мне самым честным, он меньше всех прочих лил воду на свою мельницу и не делал из себя легенду. Миллер советовал: «Развивайте интерес к жизни, которую видите – в людях, предметах, литературе, музыке. Мир столь богат, просто переполнен несметными сокровищами, прекрасными душами и интересными людьми. Забудьте о себе».

Когда «забываем о себе», писать легко. Нам уже не приходится замирать по стойке «смирно», когда каждое местоимение «я» пропитано нашим эго. Стоит нам забыть о себе, выбросить из головы «хорошего писателя» и довольствоваться тем, чтобы быть просто писателем, как приходит опыт писательства как некоего движения сквозь нас. Мы отказываемся от роли самокритичного автора и становимся чем-то еще – проводниками самовыражения. Когда мы – всего лишь проводники, рассказчики, а не смысл истории, мы обычно пишем очень хорошо – и уж точно дается это легче.

Способ приобщения

Этот метод поможет вам расслабиться и прекратить относиться к писательству так серьезно, что аж страшно.

Представьте себе, что сидите под большим деревом, прислонившись спиной к стволу. С другой стороны под деревом сидит Сказитель. Возьмите лист бумаги и пронумеруйте строки от одного до пяти. Поведайте Сказителю, какие пять историй хотели бы услышать.

Глава 4

Враки про время

«Если бы у меня была возможность взять отпуск на год, я бы написала роман».

Может быть, написала бы. А может – и нет. Иногда скользкой дорожкой к творческому тупику становится выделение длинного отрезка времени со штемпелем: «А теперь пиши давай». Если делать из писательства бог весть что, заниматься им гораздо труднее. Покуда писательство наше – по ходу дела, оно видится посильным. Особенно это касается времени.

Один из главных писательских мифов: чтобы писать, нужно много времени без помех и отвлечений. Однако лично у меня никогда таких шелковых отрезков времени не находилось. Вся моя жизнь – и работа, которой она наполнена, – больше похожа на лоскутное одеяло, чем на гладкий нескончаемый рулон безмятежного шелка.

Басня о том, что для творчества нам нужно время – много времени – мешает нам пользоваться имеющимся запасом. Если все время хотеть большего, постоянно недооцениваешь уже предложенного.

Например, сейчас ко мне едут гости, и мне нужно приготовить ужин, накормить лошадей, и мой пес не отказался бы от долгой прогулки. Будет ли она долгой – пока неясно, но я точно доберусь до всего остального – как только закончу писать. Годы сольного материнства, преподавания с полной нагрузкой и писательства научили меня выхватывать время, а не ждать, пока оно появится. Сейчас я занимаюсь ровно тем же. И в этом есть толк.

Большинство из нас под фразой «если бы у меня было время» прячет еще и соблазнительный подтекст – «чтобы услышать собственные мысли». Иными словами, мы представляем себе, что, будь у нас было время, мы бы уgomонили поверхностную часть своего «я» и прислушались к более глубокому потоку вдохновения. Еще одна выдумка, позволяющая нам отвертеться – если ждать, пока появится время, чтобы прислушаться к себе, значит, сейчас можно не прислушиваться и не брать на себя ответственность за принятие того, что пытается пробиться наружу сегодня.

Мои ученики нередко повторяли: «Между мной и великим американским романом – лишь год отпуска». Такая озабоченность глыбой времени глыбой же и ложится поперек писательского творческого потока. Большинству учащихся – да большинству вообще, точка, – повезет взять отпуск на целый год. А без такого отпуска «по-настоящему» писать не выйдет, верно?

А может, и выйдет.

Вранье про «если бы у меня было время» позволяет не обращать внимания на то, что романы пишутся постепенно, по фразе за раз. На фразу и минутки хватит. И если наворовать таких минуток и вдосталь предложений – родится целый роман, без всякой роскоши свободного времени.

Юрист Скотт Туроу писал свой увлекательный роман «Презумпция невиновности»⁶ ежедневно в электричке по дороге на работу. Моя ученица Морин сумела написать девять полнометражных сценариев с грудным сыном на руках, ухитряясь работать дизайнером. Майкл, другой мой ученик, написал целую книгу, выкраивая свободные минуты в тот же год, когда защищал магистерскую степень. Все они выделяли время писать, а не ждали, когда оно найдется.

Стоит только запланировать время, чтобы писать, как оказывается, что этим можно заниматься когда и где угодно. Стоит нам научиться «проваливаться в колодез» – чтобы обучить

⁶ Скотт Фредерик Туроу (р. 1949) – американский писатель и юрист, автор девяти романов (три из них экранизированы, на основе одного снят цикл телепрограмм) и трех нехудожественных книг; проза Туроу переведена на сорок языков мира.

этому приему, я прошу писать по утрам три страницы текста от руки, – делать это можно в любое время и в любом месте: в очереди к врачу, в самолете, ожидая кого-нибудь в метро, между встречами на работе, в обед, в перерыве на кофе, в салоне красоты, за кухонным столом, пока жарится лук...

Если научиться писать просто из любви к процессу, время можно найти всегда, но его нужно уворовывать, как влюбленные перехватывают на бегу поцелуй. Как сказала мне одна проницательная дама, «самый занятой и важный мужчина всегда найдет для тебя время, если любит, а если не находит – значит, и не любит». Когда влюблены в свое писательство, мы найдем для него время.

Уловка со временем для писательства, выходит, такая: пишем из любви, а не с прицелом на результат. Не пытайтесь написать что-нибудь безупречное – просто пишите. Не пытайтесь написать фолиант – просто начните его писать. Да, страшно и подумать, откуда взять столько времени, чтобы написать целую повесть, и совсем не так страшно, если собираться написать один абзац или даже одну фразу. А из абзацев, собранных из фраз, романы, собственно, и складываются.

Энни, журналист по профессии, долго ждала, пока «найдется» время писать для удовольствия. У нее выходило так, будто время – это стодолларовая купюра, которую однажды ей повезет подобрать на улице.

– Не жди, пока время найдется, – сказала ей я. – Давай энергичнее. Кради время.

Поначалу Энни смогла красть по пятнадцать минут ежедневно. Потом стало получаться дважды в день. А уже совсем скоро она ворочала целыми украденными часами – дважды в неделю. Будто внезапная страстная влюбленность вскружила голову Энни – неожиданно для себя она начала получать удовольствие от того, что пишет. И время вдруг «нашлось».

Алан, преподаватель писательского мастерства, тоскующий по писательству, много лет подряд убеждал себя, что напишет свой первый роман, когда возьмет академический отпуск. Однажды он оплошал, признавшись в этом мне.

– А почему не сейчас? – спросила я. – Начни писать сейчас, а во время отпуска будешь редактировать.

– У меня нет времени, – возразил он, – я учу студентов писать. Я сижу и смотрю, как они пишут, – проворчал он раздраженно.

– Ну так пиши, пока пишут они. Не делай из этого великого начинания, а просто нацарапай пару строк, пока они занимаются тем же.

– У меня иногда появляются идеи, но я ума не приложу, как их развить, – продолжал спорить Алан.

– Так развей любую и посмотри, куда она приведет.

– «Развей любую»! А что если она ведет в тупик? У меня нет времени на тупики!

– Тупиков вообще-то не бывает, – заверила его я. Алана загнали в угол, и он это понимал.

У него было время писать. У всех нас оно есть. Оно появляется тогда, когда мы готовы писать плохо, развивать тупиковый сюжет, писать просто так, а не ради идеально отполированного результата.

Одержимость временем – на самом деле одержимость совершенством. Нам нужно востать времени на то, чтобы писать безупречно. Хотим писать, подстраховавшись, что точно не окажемся в дураках, не потратим время на то, что не окупится.

– Начни с утренних страниц⁷, – уговаривала я Алана. – Дай себе выбраться на бумагу. Напиши три страницы вообще ни о чем. Это приучит твоего внутреннего цензора позволять тебе творить.

⁷ Утренние страницы – практическое упражнение из книги Джулии Кэмерон «Путь художника»: три страницы потока сознания, которые требуется писать от руки, ежедневно. – *Прим. перев.*

– Сомневаюсь, – отозвался Алан.

– Сомневайся на здоровье, но попробуй все равно, – подталкивала его я.

Сомнения не имеют значения. Утренние страницы прекрасно прочистили канал. Не прошло и нескольких недель, как Алан начал писать наперегонки со своими учениками. Фразу за фразой, страницу за страницей – он писал. Он даже развил несколько замыслов, которые раньше казались ему тупиковыми.

– По-моему, я и преподавать стал лучше, – говорит он.

Неудивительно. Ничто не говорит яснее любви, и Алан до того полюбил писать, что эта любовь зажгла его, будто светильник, что помог озарить путь его студентам.

Когда мы даем себе писать по любви, когда ворует драгоценные минуты себе в подарок, жизнь становится слаще, а мы – добрее. Мы больше не завистливые зеваки, что стоят на бровке и бормочут: «Я и рад бы, но...»

«Живи я на Ки Уэст⁸, я б нашел время писать...»

«Будь у меня побольше сбережений, я бы нашла время писать...»

Все эти вымыслы о писательстве и времени, которыми мы себя утешаем, связаны с завистью и с придуманными убеждениями, будто существуют какие-то другие люди, у которых жизнь проще, денег в ней больше, и заточена она под писательство лучше нашей.

Чтобы найти время писать, нужно просто включить его в то расписание, которое у вас уже есть. Именно в этом ваш козырь. Бросьте воображать, что «настоящая» жизнь писателя – чья-то другая. Закаты на Ки Уэст не делают людей писателями. Трастовые фонды не финансируют потоки идей. Все наши жизни – жизни писателей, потому что все мы – писатели.

Ученики Лоры – одаренные дошкольники. Она целый день занята планами уроков, проверкой тетрадей и любознательными родителями. Посреди всего этого Лора находит время для трех страниц по утрам и еще нескольких – по вечерам перед ужином. Иногда она пишет по субботам. А в последние два года ходила на зимние курсы для писателей в местном муниципальном колледже.

– Раньше я все время жаловалась, что мне некогда, – вспоминает Лора. – Я хотела писать и ненавидела себя за то, что не пишу, но при этом мне было надежно. Начинать планировать время, чтобы писать, поначалу было страшно, но это все изменило. Оказывается, у меня есть время не только на то, чтобы писать, но и на многое другое тоже остается. Если честно, мне кажется, у меня была депрессия, а благодаря привычке писать мне удалось от нее избавиться. Так бывает?

– Писать – значит исправлять этот мир, – сказала я Лоре.

– Я от вас столько раз это слышала, но никогда не верила, – ответила она. – А теперь верю.

Стоит нам выделить время, чтобы писать, и можно не сомневаться: проведем мы его прекрасно. Описывая окружающий мир, мы начинаем упиваться им. И даже самая сумасшедшая жизнь сломя голову покрывается патиной желанности.

⁸ Остров во Флоридском проливе.

Способ приобщения

Мы часто твердим: «У меня нет времени писать». Но время писать у нас есть – понемножку. Этот метод поможет вам взяться за снос исполина жертвенности, олицетворяющего время.

Купите пять открыток и пять марок. Отыщите адреса пятерых людей, которых вы любите, но не находите времени поддерживать с ними отношения. Заведите таймер на пятнадцать минут. Уделяя по две-три минуты каждой открытке, напишите несколько теплых слов своим друзьям. Приклейте марки и отправьте почтой.

Глава 5

Маршрут

Наверное, здесь можно было бы выразиться и похудожественней, но для меня писать – это как прокладывать маршрут. Если вы – Америка и пролагаете маршрут, писательство даст вам дорогу от одного побережья к другому: и карту вычертите, и видами насладитесь.

Я убеждена: то, о чем нам хочется писать, само хочет быть написанным. Уверена: когда во мне пробуждается творческий порыв, то, что мне хочется создать, само рвется наружу. Моя задача в таком случае – явиться к чистому листу и позволить этому чему-то пробиться на свет. В некотором смысле, что именно хочет быть написанным – не мое дело.

На заре своего писательства я все время пыталась править на ходу. От каждой фразы, абзаца, страницы требовалось логическое продолжение всего предыдущего. Я много обдумывала. Я очень старалась. Работа над текстом была для меня каторгой. Много часов подряд я упорно писала и переписывала, вычеркивала и возвращала обратно. Такое писательство давалось трудно, я злилась и расстраивалась, будто одновременно сочиняла сценарий и монтировала фильм.

Опасность такого подхода в том, что он делал меня зависимой от перепадов настроения. В распахнутом состоянии все написанное мною казалось прекрасным. В зажатом – и тексты мои ни на что не годились. В итоге писательство превращалось в «американские горки» приговоров и осуждений: я то корила себя, то оправдывала, то я гений, то ничтожество. Мне хотелось писать уравновешеннее, без крайностей. Хотелось эмоциональной трезвости.

На пути к ней я научилась писать без оценок и оставлять редактирование на потом. Я назвала этот новый, более свободный подход «прокладыванием маршрута». Впервые в жизни я позволила себе черновики, которые оправдывали свое название.

Удивительно, но мои «черновики» вообще-то стали чище. Стоило мне освободиться от потребности сразу писать блестяще, идеально и умно, как мое письмо стало не только чище, но и легче, прозрачнее. А когда я все же возвращалась к черновикам для правки – обнаруживала, что и править-то особенно нечего. Поразительно много моих черновиков выдержало дальнейшее пристальное рассмотрение.

Мне раньше не приходило в голову, что вся эта драма писательства – не более чем драма. Никогда бы не подумала, что напряжение по поводу написанного имеет мало общего с подлинной драмой, которой место – в том самом написанном.

Разрядка драмы – как разобрать заряженное оружие: я вздохнула с облегчением. И завязала с суевериями. Мне уже не требовалось по восемнадцать раз обегать рабочий стол, как собаке, которая ищет, где бы улечься. Я начинала там, где начинала. И вспомнила, что писать – это потеха. Моя задача – писать, а не оценивать написанное. Оказалось, у текста есть свой внутренний план. По мне, писать – это как слушать мелодию у себя в голове. Нота за нотой, она и сама знает, куда движется. Я слеую за ней и записываю. А причесывать и шлифовать ее можно и позже. А пока мне остается лишь уловить мысль, успеть перенести ее на бумагу, а развить и украсить можно и потом.

За годы работы я узнала, что в подсознании творческого человека идеи зреют, будто кристаллы. По чуточке, по капле растут они в темноте, со временем превращаясь в великолепные скопления. Моя задача – собирать эти капли и чуточки, вольной ассоциацией, если хотите, осознавая, что у ассоциаций этих свои планы на то, чем все закончится.

Композитор Эрик Сати⁹ заметил как-то, что любил «походить вокруг пьесы», прежде чем записать ее. Я тоже хожу вокруг идей – и записываю все, что вижу по дороге. Если что-то вдруг является на пути, я даю ему высказаться. Мне интересно, куда ведут окольные тропы. Я позволяю последовательностям образов просто являться на свет, а не требовать от них логичного течения. Я усвоила, что в писательстве мой логический ум гораздо полезнее в правке черновиков. А мой богатый, плодovitый, чудаческий ум – то, что надо для прокладки маршрута.

Я не боюсь тупиков. Почти все переулки куда-то ведут, и если, сворачивая в них, я рискую загнать себя в угол и написать что-нибудь неожиданное – ну и пусть. Я знаю, что некоторые редактируют, пока пишут, и это их право. Но я предпочитаю другой подход. Вместо этого я, вспоминая, как строят железные дороги, прокладываю рельсы из пункта А в пункт Б. Каждый день, хоть по несколько минут, я стараюсь проложить хоть немного пути. Я не строю планов, сколько именно мне удастся сделать. Когда я занималась этим раньше, цели себе ставила скромные: три страницы сценария или полторы – прозы. Выполнимо. Это означало девяносто страниц чернового варианта сценария в месяц. Сорок пять страниц прозы. Короче говоря, я прокладывала маршрут.

Некоторые беспокоятся о том, как бы придумать наилучший маршрут. Мне такое беспокойство кажется несколько избыточным и преждевременным. Лучше оставить это на потом, когда займетесь правкой. Черновик – карта из точки А в точку Б, поездка через всю страну. Те черновики, которым позволено проявляться естественно для них, нередко и так прокладывают маршруты, близкие к идеальным. Если переждать с планированием и репетициями, уйдет весь сок. И в последующих черновиках текст придется «оживлять». Гораздо лучше, если первый вариант будет диким и даже необузданным – таким, какой можно потом усмирить и причесать, таким переполненным подробностями, чтобы ломать голову над тем, что выкинуть, а что оставить, а не над тем, что бы добавить.

Сомневаетесь – записывайте: мужчина с восхитительным голосом оставил вам сообщение на автоответчике, спесивая голубая сойка распоряжается кормушкой для птиц, долгожданное письмо, которого сегодня так и не получили. Записывайте. Хоть иносказательно, если уж на то пошло, но – записывайте. Текст просторен – в него поместятся любые мелочи, какие пожелаете. И в нем достаточно страсти, чтобы выдержать какое угодно ваше настроение, любой порыв, что крутит вами так и эдак.

Текст – и в этом большой его секрет – хочет быть написанным. Он любит своего писателя, как Бог любит тех, кто искренне ему верен. Позвольте себе писать – и это наполнит ваше сердце и страницы и поможет наполнить жизнь.

⁹ Эрик Альфред Лесли Сати (1866–1925) – французский композитор и пианист, представитель французского музыкального авангарда.

Способ приобщения

Писательство помогает нам составить карту своего внутреннего мира. «Прокладывать маршрут» означает еще и позволить себе вообразить, какие направления нам бы понравились. Это упражнение поможет вам получить представление о собственной эмоциональной географии.

Если бы от вас не требовалось ничего по-настоящему писать, что бы вам было интересно сочинить? Детектив? Рассказы? Роман? Песни? Пьесы? Стихи? Может, вас привлекает сразу несколько направлений – это тоже совершенно нормально. Это не значит, что вы – поверхностный дилетант. Это значит, что вы многогранны. Засеките пятнадцать минут и пишите от руки – и как можно быстрее – о том, в каких жанрах вам было бы занятно попробовать себя?

Глава 6

Скверный текст

Небо сегодня сходит с ума. Буйный ветер гонит мрачные тучи, дождь еще не льет, но жалит жесткими каплями. На западе закат – тонкой полосой абрикосового шелка вдоль горизонта, будто пеньюар Кэрол Ломбард¹⁰ – бесстыжий, мягкий, манящий. Весь сегодняшний вечер – как сладкое предвкушение любовной связи. Вот засверкали молнии, вонзаясь в землю, будто мультяшные мечи – острые, ярко-золотые – вроде тех, какие рисуют античным богам в анимационных фильмах по греческой мифологии. Если писать об этом вечере достаточно долго, он начинает заигрывать со мной: «Пойди покатайся верхом, пока не стемнело». – «Нет, а вдруг гроза». – «Останься дома с книгой. Экий прекрасный, ненастный вечер – но как пропустить такой закат? Сходи погляди!» – «Ни за что! Там же молнии...»

Когда пишешь, не обязательно всегда знать, чем все закончится. Да-да, в школе нас учили излагать мысли ровными рядами – как будто они так и появляются у нас голове. Будто мы так и думаем. Манера письма, которой нас учат в школе, – ободранная, обобранная на все хромированные детали, обезличенная проза. В отличие от сегодняшнего вечера, в ней не бывает сверкающих молний и уж точно никаких облаков-пеньюаров Кэрол Ломбард.

Писать в такой «грамотной» манере – как смотреть кино, которое уже видел. Можно восхищаться его качеством, но неожиданные повороты сюжета уже не заставят нас холодеть от ужаса, рыдать от избытка чувств или открывать рот от изумления. Чтобы добиться всего этого, иногда писать нужно «плохо». Плохие тексты – особенно когда они хороши – подобны уличной пицце в Нью-Йорке. Иногда тесто слишком сухое, иногда не вполне пропеченное, но вкус ее великолепен. Она ароматна. Остра. Сочна.

¹⁰ Кэрол Ломбард (1908–1942) – американская киноактриса, звезда бурлескной комедии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.